

Я был удивлён, не ожидая, что Старший брат-наставник Гу тоже умеет перевязывать раны.

Наставник Сунь сказал:

— Сяо Чэнь, ты уже довольно давно в деревне Цзянъю. Мы собирались найти тебя с утра, но случилось такое. Здесь не место для разговоров, потом пойдёшь со мной к Сяо Цзинь и расскажешь о деле старосты Вэй.

Чэнь Маошэн кивнул:

— Хорошо, Наставник Сунь.

Рана Толстяка Эра была несерьёзной, и после перевязки я успокоился. Беспокоила меня лишь Цзян Иньхун. Но Наставник настаивал на том, чтобы вернуться и обсудить дела с Чэнь Маошэном, и я не смог предложить остаться присмотреть за Толстяком Эром.

К моему удивлению, Старший брат-наставник Гу сам высказал это.

— Вы возвращайтесь, а я сегодня останусь присмотреть за Да Ху. Рана перевязана, но человек всё ещё без сознания. Я останусь, подожду, пока его состояние стабилизируется.

Наставник кивнул:

— Ладно, тогда мы пойдём.

Честно говоря, лицо Старшего брата-наставника Гу было суровым, но он пришёл вместе с Наставником. Зная, что он остаётся, я почувствовал необъяснимое спокойствие.

Вернувшись с Наставником домой, было уже полдень. Мать, разумеется, оставила Чэнь Маошэна на обед. Эта трапеза прошла для меня крайне неловко.

Мать почти смотрела на Чэнь Маошэна как на будущего зятя. Странно, но при таких явных намёках с её стороны Чэнь Маошэн не только не возражал, но и всё время с улыбкой оживлённо беседовал с ней.

Я с беспомощностью посмотрел на Наставника. Тот улыбнулся мне, и я от смущения тут же опустил голову.

После еды мы пошли в комнату Наставника. Я закрыл дверь, и Чэнь Маошэн, словно докладывающий секретарь деревенского комитета, кратко и чётко рассказал Наставнику всё, что видел в деревне Цзянъю.

— Ты уверен, что на телах Вэй Даминя и вдовы Ли нет никаких повреждений? — спросил Наставник.

Чэнь Маошэн подумал и уверенно подтвердил:

— Наставник Сунь, я осматривал очень тщательно. На них действительно нет ни единой раны, даже следов укулов. Во рту нет инородных тел, глаза не налиты кровью, одежда также в полном порядке. Это определённо не утопление и не отравление. Так что причину смерти я так и не установил.

— Тогда всё ясно! Вероятно, они умерли от запретного искусства даосской школы — искусства похищения души, — спокойно сказал Наставник.

Я удивлённо посмотрел на него:

— Искусство похищения души? Разве оно не было утрачено? В прошлом из-за чрезвычайной коварности этого искусства основатель школы Маошань издал запрет, не позволяя ученикам изучать его. Те, кто владел этим искусством, подчинялись приказу и никогда не передавали его вовне. Я узнал о нём только из древних текстов, которые вы мне давали. Неужели сейчас ещё есть те, кто им владеет?

— Судя по всему, в той таинственной организации действительно есть человек, знающий это искусство. В мире мёртвых есть вестники, забирающие души, в мире живых — искусство похищения души. Принцип один: заставить душу покинуть тело, причём добровольно и бессознательно. Если душа долго не возвращается в тело, человек теряет жизненную силу. Такая смерть не оставляет внешних повреждений, поэтому обычным людям трудно установить её причину.

Я подозреваю, что Цзян Иньхун, возможно, тоже стала жертвой манипуляций с душой, поэтому и вела себя так необычно.

— Наставник Сунь, я знаю, что ваша личность особенная, но я не могу согласиться с этими рассуждениями о духах и призраках. Если человек умирает от внезапной болезни или испуга, это тоже не оставляет внешних следов, — возразил Чэнь Маошэн.

— Ха-ха, ты сам сказал, что староста Вэй и вдова Ли умерли с умиротворёнными лицами, зрачки без изменений, губы сомкнуты. Ты ведь изучал медицину, испугался ли человек, ты должен понимать лучше меня.

Услышав слова Наставника, Чэнь Маошэн пошевелил губами, но ничего не смог сказать.

— Сяо Чэнь, многое в этом мире существует, даже если ты этого не видел. Верь, со временем ты сам в этом убедишься.

После ужина настроение у матери было прекрасным, вероятно, потому что Чэнь Маошэн пообещал завтра снова прийти на обед. Я не стал её разубеждать, не желая огорчать.

Но в душе я отчётливо понимал: Чэнь Маошэн мне не нравится, я не проведу жизнь с нелюбимым человеком. Тем более, что с Наставником, как только это дело будет разрешено, как только мы спасём Су Муянь, я покину это место, где прожил столько лет. А когда вернусь — и вовсе неизвестно.

Заранее думать о расставании — грустно и тоскливо, поэтому в это время я готов всеми силами сотрудничать, надеясь, что мать будет жить счастливо. Это, пожалуй, единственное, что я могу для неё сделать.

Я сидел в комнате Наставника. Сейчас здесь не было посторонних, только мы вдвоём.

Я отважился спросить о деле Су Муянь. Мне хотелось знать, почему Наставник говорит, что это дело связано с ней. Ведь даже если я верю, то не понимаю и не могу осознать.

Наставник ничего не сказал, подошёл к кровати, взял чёрный кожаный портфель, вынул из него письмо. На конверте не было имени, только символ. Этот символ я видел раньше. Если не ошибаюсь, он был на руке того человека в чёрном балахоне. Наставник также говорил, что этот символ представляет ту таинственную организацию, у всех её членов на руке есть такая татуировка. Очень странный цветок, обвитый змеей. Я не знал, что это за цветок.

Вскрыв конверт и прочитав письмо, я широко раскрыл глаза:

— Что это значит? Неужели люди из этой таинственной организации хотят навредить Су Муянь? Откуда они вообще о ней узнали?

— Я и сам не знаю, — покачал головой Наставник, на лице его читалась беспомощность. — Эта организация страшнее, чем мы думали. Мы полностью открыты перед ними, а о них нам ничего не известно.

Сейчас они словно играют с нами в кошки-мышки. Возможно, каждое наше движение находится под их контролем. Поэтому, Сяо Цзинь, будь осторожнее. В деревне Цзяньгу, скорее всего, тоже есть их люди.

И будь осторожен с Чэнь Маошэном! Не спрашивай почему, просто будь начеку.

Сказав это, Наставник поднял чашку с чаем и отпил глоток. Лицо его по-прежнему было безмятежным, не видно ни напряжения, ни беспокойства, словно это было лишь незначительное напоминание.

А в эту ночь я снова не смог заснуть. В голове крутились мысли о том, что организация хочет навредить Су Муянь. Но какая связь между Су Муянь и этой организацией? И ещё этот незнакомый символ, помимо того, что я видел его на руке человека в чёрном балахоне, кажется, я видел его ещё где-то.

Но за все годы, что я прожил в деревне Цзянь, я уверен, что в деревне нет такого цветочного символа. За годы жизни в городе я общался не иначе как с Сяо Ми и Матушкой Чжан, остальные были людьми Дядюшки Чёрного Ястреба. Ни у кого на руке не было вытатуировано этого символа.

Это чувство дежавю заставляло меня ощущать странную, даже особенную familiarity.

На следующий день Наставник повёл меня на кладбище семьи Цянь.

Мы встали очень рано, почти когда ещё не рассвело. На краю неба синеватый отблеск предвещал приближение рассвета.

Добравшись до места, мы увидели, что следы крови на земле ещё очень отчётливы. Дождя не было, погода сухая, кровь уже засохла на почве. К счастью, это была земля, её можно вскопать, и это не привлечёт внимания.

Наставник подошёл к кладбищу семьи Цянь, затем оглянулся назад, брови его были всё время нахмурены.

— Наставник, что-то не так?

Наставник кивнул:

— Действительно, что-то не то. Это место, по сравнению с тем, что было несколько лет назад, кажется ещё более мрачным.

Я осторожно прислушался к своим ощущениям — здесь было холоднее, чем в предыдущие мои приходы. Эта внезапная перемена заставила меня ещё больше удивиться.

— Наставник, разве вы не обработали это место должным образом? Даже если раньше здесь было кладбище семьи Цянь и здесь орудовала Фан Цихун, но Фан Цихун же исчезла, разве здесь должно что-то остаться?

<http://bllate.org/book/15434/1372359>